НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1916 г. — № 6 — XLVII г. изданія

Выдан 6-го февраля 1916 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку вонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/7 ширины страницы: передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил." и „Новѣйш. Моды" за февраль.

Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,

нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ

"КРЕМЪ СИМОНЪ"

(CRÈME SIMON)

ПАРИЖЪ

Марка Утверждена.

J. SIMON, PARIS. — Требуйте нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

БАСНИ КРЫЛОВА

Вокальныя спѣнки (10 №№) на два голоса съ акк. фп. для дѣтскаго исполненія въ школѣ и дома. Муз. *С. Гилева.* Цѣна 75 к. Каталоги „Свѣтская хоровая музыка" и „Дѣтская Музыка" высылаются безплатно.

Музыкальное Издательство П. ЮРГЕНСОНА, Москва, Неглинный пр., 14.

ПРИ НЕВРАСТЕНІИ

слабости и для УКРѢПЛЕНІЯ нервной системы рекомендуется БІОЛЪ Т-ва Ласелй. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Льготныя условія подписки и пробная лекція БЕЗПЛАТНО. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

Употребляйте

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

отъ ПРОСТУДЫ.

Лепешки эти продаются въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ исключительно въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

и адресомъ единственнаго ихъ фабриканта

N. CANONNE

PARIS.

РУССКАЯ ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ТОВАРИЩЕСТВО ЛЮМО МОСКВА. МЯСНИЦКАЯ 14-Н-39.

Пробная посылка по получ. 5-ти руб.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ сегодняшній номеръ новой газеты „НАРОДНОЕ СЛОВО“ Цѣна 2 коп. Главная контора и редакція: Москва, Тверская, д. № 18.

Руководство для начинающихъ ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ. Подробный научный разработокъ. Цѣна гранатовости со всѣхъ сторонъ, выше. 35 к. Адр.: Москва, издательству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

ПИСАТЬ учатся в скоро судно, по системѣ „Механическую прописи“. Полное по литературѣ. Цѣна выс. 50 коп. Адр.: Москва, рец. изд. „ЛОГОЛЮ“, отд. 7.

Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, СПБ., въ Гостин. дв. Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за отличное окончаніе. Въ 15 уроковъ научимъ хорошо кройкѣ и шить. Объ успѣхахъ. марокъ высылаемъ образцы работъ, номеръ учениковъ, отзывы. Адресъ: КОСОФО, Харьковская, д. № 33.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ. Кто желаетъ быть хозяиномъ своего дѣла, должны имѣть книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую полезныя наставленія, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ этой книгѣ описаны производства, не требующія капитала, но дающія хорошій заработокъ. Занятія любого могутъ выполнять рабочій день мужчина, такъ и женщина. Цѣна съ перес. 7 руб. 75 коп. МОСКВА, маг.—отд. „ЛУЧЪ“. Гнѣздниковъ пер., 12/2.

ИСКУССТВА ДОМА: изготовленіе всѣхъ принадлежностей, работа столяровъ, ГАЛЛЕЯ, переплетная работа столяровъ, книгъ, журналовъ и нотъ для любителей. В. КРУЗЕ, бывш. А. Сиронъ, ПЕТРОГРАДЪ, Морская, 23. Прейсъ-куранты высыл. по 2 семикопѣечныя марки.

ЧАСЫ ПОХОДНЫЕ наилучшій подарокъ воинамъ! Высылаю наложл. плат. часы карманные походные съ спеціальнымъ способомъ бронзы, стоящіе для кавалеровъ съ 15 по 15, 16 и 20 р. Требованія адресовать: Одесса, Базарная ул., д. № 61. Д. Н. Яильштейну.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ ГЕМАТОГЕНЪ д-ра ГОММЕЛЯ РУССКОЕ ПРОИЗВОДСТВО испытанное укрѣпляющее средство. Имѣется везде. Выводъ Гематогена д-ра Гоммеля, Петроградъ, Спасская ул., 10.

И-ВО ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛ. ТЕХНИКУМЪ Московскаго общества распространенія обще-образовательныхъ и спеціально-техническихъ знаній (Ф. О. Р. О. З.). Открытъ 30-го ноя. 1916 г. Пріемъ взрослыхъ лицъ обоего пола съ любой подготовкой въ коммерческое, инженерное и др. отдѣленія. Плата 40 и 60 руб. въ полугодіе. Условія присылаются безплатно. Москва, Земляной пер., 2/6. Телефонъ 3-50-32 и 3-14-01.

ПАТЕНТЫ (привилегіи) НА ИЗОБРѢТЕНІЯ. Литерат. фабр. марокъ и медалей. ИНЖЕНЕРЪ Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ, Петроградъ, Каменный, 65. Тел. 48-94. Осн. 1907.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВЕСЬ СВѢТЪ АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА „ВИКТОРІЯ“ стоитъ 175 руб. ВЯЖЕТЪ въ годъ массу 20.000 петель. Обучаетъ каждую женщину въ одинъ часъ, ежедневно 24 коп. Теперь на этихъ 2 р. заработокъ плюсъ на каждую женщину, кто хочетъ или потомъ, никого не стѣсняетъ 2 р. 50 к. ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ. Не надо: **немодненно** стирательныхъ вкладышевъ и вязальныхъ крючковъ ложныхъ работъ мужемъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Рисунки не служатъ принадлежностью. Требуйте ваша бонаплатной пропасть.

Товарищество вязальныхъ машинъ Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и Ко, ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11. Лондонъ, E. C. 114 Leadenhall st.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руковод. спец. свѣтилъ академіи-художниковъ, которое исправляетъ присылаемыя работы и безплатно даетъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, имѣющимся в прикладного искусства.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ. СОДЕРЖАНІЕ: Акварель.—А. С. Лорисъ-Мѣл. Рисованіе масляной краской.—С. А. Коровинъ. Жизнь и творчество художника.—А. В. Щекотихинъ. Домашнія коровки.—Т. И. Катунинъ. Очерки изъ исторіи языковѣд.—Б. Ф. Шлапбергъ. ИЛЛЮСТРАЦІИ: 81 черныхъ рис., 8 многоцвѣтныхъ рис., 1 медицинитъ-гравюра.

Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ содержитъ громадный матеріалъ, необходимый каждому человѣку, интересующемуся искусствомъ и желающему основательно и практически разобраться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или намѣревающихся ихъ изучать, изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является незамѣнимымъ руководствомъ. Брошюра съ эскизами, проспектъ „Искусство“ за 15 к. высылается безплатно. Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

старческая дряхлость, артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Спермин, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ подѣлокъ, эрзацевъ и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безплатно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей организаціей, высылается за четыре 7-копѣечныя марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“. Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПрофессоръДръ ПЕЛЬ. С-вья. ПЕТРОГРАДЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Легкіе лодки. Необычныя изобрѣтенія въ области военнаго судостроенія являются моторныя лодки, движущія отъ 90 до 120-ти километровъ въ часъ и снабженныя пушками, забирающими ходу любой лодкѣ, какъ крупная корвета забираетъ ходу. Лодки эти, испытывавшіяся впервые въ Англіи, имѣютъ 20 футовъ длины и 12 ширины, крыша же, расположенная по обѣ стороны кузова, имѣетъ 3 фута ширины. Лодка снабжена двигателемъ въ 200 силъ, имѣющимъ ту особенность, что руль находится не въ винтовомъ потокѣ, хотя рулевой сидитъ на кормѣ. Благодаря этой особенности, рулевой можетъ управлять при любой скорости движенія.

При скорости менѣе 22-хъ километровъ въ часъ лодка легко глубоко сидитъ въ водѣ, а имѣетъ незначительно на 20 процентовъ. Далѣе, до 45-ти километровъ въ часъ, носъ лодки медленно опускается по мѣрѣ увеличенія скорости. Выше этой скорости лодка выравнивается и такимъ образомъ

ЖИВА

№ 6. Выходитъ 1 числа, съ 1906 г. 15-го, съ прилож. 47 кг. „Природа“, иллюстр. изд. Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. Гарина, А. П. Чехова и Де-Нострада. 12 кн. Авторит. и попул. научн. изд., 2 новыя соціальныя повести Мастер новыхъ изданій, 12 кн., выходящихъ годъ и 12 кн. 1916 г. въ 1915.

Выходитъ 6 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна книги 70—80 к., съ перес. 85 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Содержаніе. ТЕКСТЪ. Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Совѣтъ Государственной Думы. (Второе двухлѣтній пятилѣтіе). — Вашингтонъ. Рождество Владимира Вашингтона. (Историческій). — Разбойникъ. Разсказъ А. С. Гуммеевскаго Лазарева. — Депутатъ Императорской Академіи Художествъ. — Разсказывалъ автомобилистъ. — Сумасшедшій И. Тихоновъ. — Жалъ языковъ крокодилъ. — Отъ Бѣлграда. — Отъ Парижа. — Отъ Англіи. — Отъ Египта. — Отъ Индіи. — Отъ Китая. Гос. Сов. тайный сов. В. И. Коковцовъ, заслуженный Государственнымъ Контролеромъ. — Наслѣдникъ Цесаревичъ. — Императрица Александра Іосифовна. — Императрица Александра Іосифовна. — Императрица Александра Іосифовна

войны, когда наконец на нашем фронте должна наступить развязка затянувшихся и утомительных событий.

Каков контраст, например, стратегического затишья, неизменно характеризовавшего стратегическую сторону событий, от которых нужно отвести не только поиски рационального объяснения обычных вторжений, но только нормы бутерброд и остальных закусочных напитков, но и внезапные набеги, во всех числе даже и для сравнительно больших воздушных набегов немцев на Париж и на Британские острова, в середине января 1916 года. Мы привыкли эти набеги к стратегически интересным событиям, но никто не станет отрицать, конечно, морального значения таких разбойничьих набегов на больше населенные города, на столицы.

Нажать на Париж еще раз обнаружилась, что жить противник не бросается, — за отсутствием более подходящих целей и задач, — такими заладили, какие создали панику в населенных столицах, крупных государственных центрах. Опять война должна была подвергать противнику ноги безнаказанность воздушной войны для достижения специально военных целей, и, нифиг-нибудь не серьезного военного значения воздухоплавательных аппаратов, немцы занялись совершенствованием своих дирижаблей и аэропланов специально для набегов на мирные города. Во этих разбойничьих набегах ни же преследовать противников и цели, имеющие военное значение, а целями, противных отражался нависли панику на крупные населенные пункты и воздействовать морально на массы населения.

Однако, именно эти цели меньше всего удавались противнику, и цель население Парижа, так и население английских городов, над которыми пронеслись дирижабли, сколько-нибудь отнеслось, за довольно многочисленных жертвами, которых нам от бомб, брошенных немецкими воздушными разбойниками.

После девятимесячного перерыва (со времени их последнего воздушного набега на восточное побережье Англии) немцы 15-го января вечером показались над Парижем. В полночь 16-го вечера были замечены цеппелины, направлявшиеся на Париж. Тотчас же по распоряжению префектуре была подана тревога, и обезумевшие минуту спустя столица Франции погрузилась в полный мрак. В свою очередь прожекторы бороздили небо, разыскивая приближение, но видно направлявшихся. Затем французский воздушный отряд из 30 аэропланов, этому поручена воздушная охрана Парижа, немедленно поднялся в поиски за немецкими цеппелинами.

Однако сильнейший туман, окутывавший город на высоте более полуверсты, мешал прожекторам обстрелу противодирижабельных орудий и поискам аэропланов.

Кроме того, цеппелины летают на высоте около 3—4 верст, взносная высота полета экипажа совершенно исключительная для цеппелина, и это также их значительной степени мешало обстрелу их орудий.

Пример этого полета еще раз подтвердил, что цеппелины могут летать только в исключительных условиях, и именно ночью, при сильном тумане, и на незначительное расстояние. Несомненно, что языки даже хотели пустить над Парижем, но мы знаем, что они делать немецкий это не удалось, благодаря тщательно организованной воздушной обороне столицы Франции. Затем, первые сведения войны показали немцам, насколько преувеличены и хрупкими среди-сведения борьбой являются и цеппелины, ибо, как мы знаем, немцы за первые недели войны потеряли их около около 20-ти цеппелинов. Эти потери 20-ти хорошо сбитых воздушных аппаратов нисколько не охладили результатами воздушных операций немцев: за первые полгода войны, когда немцы потеряли 20 цеппелинов, они произвели всего лишь два крупных воздушных набега. В начале января прошлого года три цеппелина сбросили несколько десятков бомб над английским городом Ярмутом, и 1-го апреля прошлого года объявили причислены сделали набег на восточное побережье Англии, стремясь, очевидно, долетать над Лондоном.

Оба эти раза немцы летали также ночью, естественно опасаясь, что днем их цеппелины будут разстреляны, как единичный большой воздушный шар. Число убитых, а также количество повреждений в обоих случаях были весьма незначительны, несмотря на то, что оба набега были задуманы в сравнительно большом масштабе.

Так, например, во время последнего набега 1-го апреля 1915 года, один из немецких цеппелинов подошел над графством Нортумберленд, около города Блайта, близ которого находится большой существительный центр Англии — Ньюкасль. Отсюда они полетать на городу Лидсвику, около которого находится один из крупнейших заводов мира — Виккерс, на которых строятся суда, орудия, мины и пр.

Однако в ходе немцам не удалось достигнуть чего-либо существенного, и из четырех сброшенных бомб только одна должна сказать утка, а другие три бомбы упали, куда попало.

Затем два остальных цеппелина хотели, конечно, прилетать из Лондона, но не долетели до него на 50 верст. Бромвичем, ибо поэтому, зима цеппелинами бомбы также не принесли существенного вреда.

Вы наибольшему году, пролетая над Парижем, немецкий цеппелин сбросил ряд бомб, убивших 24 человека, из которых 9 женщин и трое детей, и ранивших 22 человека. Одна из бомб пробила свод метрополитена, сделав отверстие в три сажени, вторая пробила насквозь трехэтажный дом, а третья разрушила половину другого трехэтажного дома. Наконец одна из бомб не разорвалась. Бомба, пробившая свод метрополитена, упала на рельсы, по которым за две минуты

Партизаны. Рисунок Г. Георгиева.

перед тем успели пройти поезда, переполненный пассажирами.

Из этого можно видеть, что бомбы, сбрасываемые цеппелинами над Парижем, отличались значительно большей разрушительной силой, чем те бомбы, которые были сброшены на прошлый год над восточным побережьем Англии, и все же цеппелины никаких серьезных повреждений не нанесли, не сумели разрушить.

Другой набег цеппелинов на Англию был произведен шестью цеппелинами, которыми было сброшено довольно значительное число бомб над Мидлендом, это название носит центральная часть Англии, где находятся знаменательно промышленные центры, как Бирмингам, Шеффильд, Ноттингем и др. По английским сведениям, было убито 54 человека и ранено 67, а по германским сведениям были достигнуты более крупные результаты, и вблизи заявляют, что из различных пунктах, имеющих военное значение, были произведены взрывами бомб многочисленные пожары. Это только доказывает, что немцы хотели произвести набег специально для разрушения заводских сооружений, работающих на оборону Англии, но ничего серьезного не достигли, что еще раз подтверждает несостоятельность цеппелинов в мягкой оказии.

Несмотря на то, что взятые бомбы цеппелинов много больше и разрушительное прежних, главная помощь „бомбометания сверху" остается по прежней силе, а именно невозможность метко попасть во цель, почему разрушение какого-нибудь сооружения, имеющего серьезное значение, возможно, лишь как случайное явление. Цеппелинам неприятному приходится бросать бомбы, куда попало, и на лучшего случая обстреливать площадь.

Однако, при стрельбе по площадям нужно сбросить очень большое число бомб, чтобы засыпать всю площадь и действительно причинить ущерб. Между тем цеппелины носят на себе не более, полутора-двух десятков больших бомб, почему и при стрельбе по площадям они не могут разрушить важные военные сооружения, за исключением отдельных случаев, когда брошенная бомба случайно упадет на важную цель.

Сброшенная бомбы взяли весь около 190 килограммов, т-е. около десяти пудов. Так как цеппелины могут взять с собою около ста пудов такого груза, то число бомб может быть приблизительно исчислено около десяти.

Бомбы эти, конечно, имеют весьма тонкильи стенки и сильно наполнены взрывчатых веществом, так что их фугасную мощь все бомбы более десяти с половиной пудов взрывчатого вещества. Этих и объясняется особенная разрушительная сила этих бомб.

Далее, можно отметить, что три возмож полета из Англию взяли сделали из около, свыше 600 верст в ту сторону и приблизительно столько же из обратную сторону, т-е. всего 1.200 верст.

Оценивая оба набега немцев на Париж и на Англию, в которых немцы тоже усиленно готовились в течение 9 месяцев, мы видим, что результаты этой длительной подготовки оказались сравнительно незначительными, и какие-либо новых технических усовершенствований, которых бы мы

Последний патрон. Рисунок Г. Георгиева.

знали цеппелины, тронули орудием, немцы не выработали. Перед нами все те же цеппелины, которые летать каким-то небольшое расстояние и притом ночью, чтобы не быть разстреляными аэропланами, и всё усовершенствования немцев свелись лишь к тому, что теперь эти цеппелины обрасывают бомбы большей разрушительной силы.

Это подтверждает, что оказать воздушная немецких цеппелинов и их дальних полетов, таких на нашем фронте, так и на западном, нельзя ни настоящее время, либо, исключено есть это, что для цеппелинов нужны благоприятные климатические условия, цеппелины их большинстве случаев, если не будет тумана, будут разстреляны орудиями, либо сбиты аэропланами, какие то и доказывают примеры, бывшие на нашем фронте, когда немецкие цеппелины каждый раз отгонялись от Лифляндии.

Значение цеппелинов не следует преувеличивать. Мы знаем, что до сих пор цеппелины летают крайне редко, и преимущественно летают ночью. Это происходит потому, что цеппелинам, как замкнутой цели, нужно держаться очень низко над землей, иначе они будут разстреляны, а чем ближе цель взята на тех самых атмосферы (1—3 версты), тем приходится летать цеппелинам, гораздо значительнее, чем вблизи земли. Из климатических условий видно, что полеты цеппелинов более всего вероятны, а дальнее расстояние, которое пришлось бы преодолеть у нас цеппелинам, является весьма малоправдоподобным крупные набеги цеппелинов на нашем театре войны.

Созывъ Государственной Думы.

(Вопросы внутренней жизни).

Вчерашнимъ указомъ созванъ Гос. Думы и Гос. Совѣта назначенъ на 9-е февраля. Обнародованіе указа среди вновь назначенныхъ нѣкоторое успокоеніе въ широкіе общественные круги, которымъ казалось ненормальнымъ систематическое затяжки созыва законосовѣщательныхъ учрежденій, составляющія одну изъ особенностей политики Б. Д. Горемыкина. Расходясь съ народными представительствами, въ какихъ нибудь отдаленныхъ отъ насъ политической программы, престарѣлый государственный дѣятель, вся карьера котораго прошла въ рамкахъ бюрократически строя, конечно, умѣетъ не вѣрить въ возможность плодотворной работы правительства съ живымъ Думой и умѣетъ остановиться на грани кабинета только при условіи дальнѣйшихъ отсрочекъ созыва законосовѣщательныхъ палатъ. Запѣвъ на высокомъ посту предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ Б. В. Штюрмеръ прежде всего знаменуетъ собою переѣзду правительственной политики относительно Гос. Думы. Прежде сложившаяся резолюція Б. В. Штюрмера какъ человѣка прямыхъ убѣжденій, разсѣется, не внушаетъ незнающихъ надежды видѣть того, что руководящее имъ правительство пойдетъ за Гос. Думой во всѣхъ ея требованіяхъ, но первый актъ обновленнаго кабинета, выраженный въ сессіи Гос. Думы, возпрещеніе спецательнаго о томъ, что онъ все же считаетъ возможнымъ и практически осуществимымъ согласованіе съ народнымъ представительствомъ начальнаго состава подъ значеніемъ патріотизма и государственности. Если въ краткую весеннюю сессію это имѣетъ обѣщаніе почти всѣ фракціи Гос. Думы и Гос. Совѣта, то тѣмъ естественнѣе ожидать, что вновь начнетъ объединяться съ руководящей правительственной власти всѣ представители русскаго общества. Послѣдній конфликтъ, поставившій путемъ взаимныхъ уступокъ, согласность думу вести справедливаго хода никакъ основу мирнаго внутренняго быта европейскихъ парламентовъ, поскольку компромиссъ достигнутъ, законенъ и даже обязателенъ и не допускаетъ возобновленія между народнымъ представительствомъ и правительствомъ, особенно въ исключительно тяжелое время борьбы за національная независимость и свободу. Согласованіе безъ всякой тѣни отреченія отъ своихъ святынь и принциповъ обѣ возможно, что 4-го февраля правительство и

Членъ Государственнаго Совѣта тайный совѣтникъ Н. Н. Всѣхсвятскій, назначенный Государственнымъ Контролеромъ.
По фот. Шрейберга.

народное представительство встрѣтятся совершенно при другой обстановкѣ, чѣмъ та, при которой они разстались произнесши взаимный упрекъ. Тогда Гос. Дума собралась подъ пепущимся впечатлѣніемъ тяжкаго отступленія нашей славной арміи, теперь она видитъ, что правительство сумѣло болѣе или менѣе удовлетворительно подготовить народную оборону и остановить дальнѣйшій напоръ врага.

Положеніе правительства, какъ и настроеніе Думы уже не то, что было прошлой весной. Хотя далеко не всѣ неотложныя требованія жизни удовлетворены, Дума все же вынуждена будетъ считаться съ жизнедѣятельнымъ и дѣеспособнымъ кабинетомъ и признать своего безусловнымъ и непререкаемымъ гражданскимъ вождемъ власти, дѣятельно работающей на защиту Россіи отъ германскаго нашествія. Если думская критика правительственныхъ дѣйствій будетъ исходить изъ патріотическихъ требованій полноты болѣе широкаго развитія всѣхъ средствъ и ресурсовъ національно-государственной обороны, а не изъ мелкихъ-мелкихъ узко-партійныхъ всходовъ, она найдетъ гроиій отпоръ въ обществѣ, получитъ силу непреложнаго закона и принесетъ огромную пользу и самому правительству и странѣ. Самый вѣрный другъ власти тотъ, кто напоминаетъ ей о ея долгѣ передъ народомъ, а самый опасный врагъ ея льстецъ, потворствующій ея гибельнымъ ошибкамъ.

Дѣятельному правительству, стоящему на уровнѣ великихъ затрудненій времени, нечего бояться общественной критики, вдохновленной патріотическими идеалами и требованіями. Всякая борьба съ патріотической критикой возможна только подъ условіемъ отреченія правительства отъ его національно-историческихъ задачъ и потому приходилось бы только къ нравственному самоумерщвленію власти. Новымъ назначеніемъ вводитъ нашъ государственный корабль въ новое болѣе широкое и не столь богатое подводными камнями русло. Въ бесѣдѣ съ журналистами новый государственный корифей заявилъ, что первымъ пунктомъ его программы будетъ непримиримая борьба съ взяточничествомъ. На этомъ пути найдетъ опору въ общественной совѣсти. Самой роковой ошибкой правительства были бы недопустимо двойственное веденіе борьбы съ язвами на внѣшней военной, дипломатической и гражданской жизни.

Казачій разъѣздъ. Картина И. Владимірова.

„Виноватый".

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

(Окончаніе).

VIII.

На всякой недѣлѣ нѣтъ увольненія.

Какъ всѣмъ, что нѣмцы задумали предпринять свой погромъ въ это время.

Нашу роту сѣвернаго укрѣпленія изъ резерва и недѣлями новый запасъ патроновъ.

Среди дня телефонъ сообщилъ, что на нашемъ участкѣ замѣтны скопленія значительныхъ массъ. Предстоитъ серьезное дѣло. Больше предполагающія изъ только-что присланныхъ сообщилъ, что въ связи съ развитіемъ боя на крайнемъ флангѣ, въ нашей арміи измѣнена перегруппировка: полковой часть сойдетъ за рѣку, а мы и наши сосѣди справа и слѣва должны будемъ прикрыть переправу, принять на себя весь ударъ отошедшей арміи.

Задача исключительной важности.

Больше предполагающіе говорили объ этомъ, сутясь, словно убѣгая и весь то веселомъ.

А мы его слушали молча и думали о близкой своей судьбѣ.

Можетъ-быть, завтрашній день кого изъ насъ вычеркнетъ спискомъ изъ живыхъ. Меня, или Несмѣлкаго. А можетъ-быть, и сразу обоихъ. О капитанѣ ни объ кинуты почему-то не думалось.

Онъ бродилъ по окопу, давалъ послѣдніе наставленія, и холодно сосредоточенно-только-что взятые въ составъ нашей роты, съ нашимъ-то испугомъ поглядывали за его переваленную позу.

Очевидно, командиры успѣли уже кое-что шепнуть новичкамъ.

— Ну вотъ. Иванъ Владиміровичъ. Владиміръ Васильевичъ!

На позиціяхъ. Очередь въ лавочкѣ. Послѣдній стоитъ. Головной отрядъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ 5-ти верстахъ отъ нашихъ окоповъ.

Капитанъ закуривъ и ткнулъ пальцемъ въ небо, гдѣ въ отдаленіи тамъ одна за другой такли сигнальныя ракеты.

Начинался обстрѣлъ. Густой. На коротомъ плечѣ. Прямо въ лобъ.

Кликнетъ, и дожидались мы настоящей работы! — улыбнулся онъ намъ, открывая свой портсигаръ.—Смотрите, какъ замечтаны! Ахъ, чтобъ ихъ!

Капитанъ закуривъ и ткнулъ пальцемъ въ небо, гдѣ въ отдаленіи тамъ одна за другой такли сигнальныя ракеты.

Начинался обстрѣлъ. Густой. На коротомъ плечѣ. Прямо въ лобъ.

Пѣшіе германцы, взятые въ послѣднихъ бояхъ, при отправкѣ съ позицій въ глубь Россіи.

Походное „офицерское собрание".

— Пойдемте, попьемте чайку!—предложил капитанъ. А то нокай не дастъ.

Мы укрылись въ землянку и принялись пить чай.

Капитанъ попросилъ прапорщика позвать вольноопредѣляющагося. Наверху шла работа. Это тянулся нѣмецкій бакарей обрабатывалъ нашъ участокъ передъ атакой.

Весенній и крапивъ хлюпалъ насѣлъ не кружки, ушли наблюдать.

Остались у чайника я, капитанъ и вольноопредѣляющійся—зеленый юнецъ, безпомощный и какая натура котораго спугнула его съ университетской скамьи и бросила въ самое пекло.

— Меня зовутъ Николай Константиновичъ! докладывалъ онъ капитану. А васъ?

— Кашкаровъ Рокальдовичъ.

— Курагсъ, Кашкаровъ Рокальдовичъ, — утонулъ Залетухинъ вольноопредѣляющагося.—У меня домъ Рустикъ остался. Собачка. Славный шельмецъ. Балуетъ, утромъ лежалъ, а онъ придетъ и лизнетъ тебя прямо въ лицо. Сильный, ей-Богу!

Капитанъ замолчалъ и напомнилъ сказанное послѣдъ на нашъ съ вольноопредѣляющимся.

Новый нашъ гостъ съ удовольствіемъ глоталъ горячую воду, а я глядѣлъ въ костеръ, гдѣ еще тлѣли подъ пепломъ горячіе уголья, и мнѣ было грустно.

Какъ-то сразу представленіе мое отгородило небольшой уголокъ дѣйствительности и удивительно ясно вложило въ него всю капитанову жизнь.

Хлопотой, одиночій, старинній... Служилъ, пока могъ. А потомъ случилось вотъ это. Прохала нога, а съ нею вмѣстѣ и все остальное, что можно еще желать капитану. Будь онъ здоровъ и молодъ. Правда, не бось работъ какихъ было все это остальное, но все-таки связалось съ нимъ душа, и казалось оно своимъ, насущнымъ, вопящимъ по нраву. И кто посмѣетъ сказать, что не ждать отъ него капитанъ всего, о чемъ думаютъ люди, когда остаются одни и спѣдано и ясно представляютъ завтрашній день отъ прошлыхъ.

И вотъ пришлось человѣку потерять все право на завтрашній день: онъ не нуженъ въ жизни деревенской, и побрелъ человѣкъ, волоча, въ сторонѣ отъ прежней своей дороги. Побороть свои думы, отмахнулся съ горькой усмѣшкой отъ недавнихъ надеждъ, и легли на него семейныя заботы, спѣшные собственной непригодности, ненужности для дѣла, съ которымъ сроднился: „куда мнѣ!" да „гдѣ уже!"

Обидно и больно.

А тутъ еще война подоспѣла.

Вотъ тутъ-то и вплелось это чувство вины передъ кѣмъ-то.

Для побѣдъ остальныхъ открылись пути—настоящіе, трудные, правильные. Всѣ спѣлались у дѣла, каждый почувствовалъ цѣну свою и сразу нашелъ себя мѣсто.

А онъ... Сколько хлопотъ—унизительныхъ, горькихъ пришлось разбросать по темнымъ, запыленнымъ канцеляріямъ, чтобы получить право на то, что открыто для каждаго. Право подвергнуть себя опасностямъ боя во имя защиты земли своихъ предковъ, право отдать свою старую жизнь вмѣстѣ съ другими.

— „Взяли изъ жалости", — вспоминались мнѣ слова капитана.

Разнѣ же это не горько?

И вотъ онъ сидитъ теперь съ нами, съ тѣми, кого онъ зоветъ не иначе, какъ по имени-отчеству, угощаетъ насъ напросоленнымъ сухарищемъ перегаромъ и все еще чувствуетъ, что мы всѣ—одно, а онъ—„не по пазу", и какъ-то „изъ жалости".

Наши теперь, послѣ ряда боевъ, изъ которыхъ всегда на виду, подъ нѣмецкими пулями, спокойно и просто передвигались по фронту нескладныя его фигура на кривыхъ ногахъ,—даже теперь онъ робѣетъ немного передъ зеленымъ вольноопредѣляющимся и самъ наливаетъ ему темную кружку изъ закопченнаго походнаго чайника.

Гдѣ-то грѣхнуло. Ухнуло и ухнуло. Что-то хочется—большое, суровое. Передъ лицомъ наступающей бури люди тревожно оглядываются назадъ, про себя подводятъ итоги, съ любовью и грустью оглядываются мыслью на тотъ, что было лучшаго въ жизни—хорошо и сидѣлось.

У Несвицкаго дома—жена. У прапорщика—невѣста. У меня—мать и братишка. Кто-нибудь есть и у новаго гостя, влетѣвшаго къ намъ неожиданно на самомъ кануѣ разлуки.

— „У меня дома Рустикъ остался. Собачка. Славный шельмецъ!"—плыли во мнѣ слова капитана.

И было жалко чего-то и обидно и больно.

И хотѣлось бы что-то сказать, что-то сдѣлать.

Кому бы знать.

Да! Если бы знать.

IX.

За ночь избили четыре атаки.

Утромъ упорно и жарко отстрѣливались.

Походная канцелярія артиллеристовъ.

Санитарная колонна. Отправленіе за ранеными.

До полудня откуда-то сзади отвѣчали еще нашими орудія рѣдкими и нашихъ отвѣтомъ.

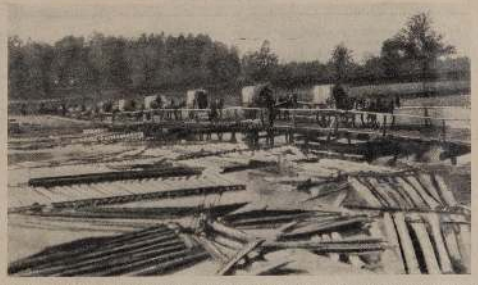
А послѣ мы слышали только тупую стрѣльбу, и было понятно, что за спѣшой расчетъ и пустѣетъ пространство, расширяясь до самой рѣки, куда переходитъ, согласно приказу, полкомъ нашъ резервъ.

Интересное чувство, когда остаешься одинъ, предоставленный собственнымъ спѣламъ.

Спокойное онъ, глубокое. И тотъ, кого довелось перезнать его, будетъ всѣхъ стремиться къ нему опять и опять, дѣя спѣлить оно человѣка на острую грань битвы, за которой лежалъ необходимый холодный для дѣланія всѣхъ уже не дано глядѣть смертному оку.

И не смерть, не опасность, не страхъ за себя разверзаютъ предѣлы, а какая-то скрытая сторона человѣческой сущности, познающей себя до конца, цѣликомъ, только здѣсь, на переднихъ борьбы двухъ началъ, крѣпко спитыхъ въ одно животно-духовное.

Испытавшій хоть разъ спѣтный праздникъ побѣды „духовнаго" надъ



Красный Крестъ на походѣ.

Отрядъ Краснаго Креста на позиціяхъ во время затишья.

тѣмъ, что спѣтано съ предсмертной тоской, кипящимъ изъ всѣй обреченности „тѣломъ" до конца своихъ дней будетъ нести устами душу чистую и прозрачную великихъ мигнуть, улыбнувшихся розовымъ свѣтомъ безсмертія у обрыва потѣлу; тотъ, кто осталъ себя самого, свою боль, свою смерть, увидѣлъ бренное тѣло и полюбилъ надъ нѣмъ этимъ духъ, — пріобщился уже тайнымъ, былъ, недоступныхъ и скрытыхъ нѣтъ вокруг.

Послѣ отхода нѣмцевъ.

щаго огня, отуманенными горячимъ дымомъ безголовыми и обычныхъ утѣхъ обыденности.

Мы съ Неспящимъ стояли на фланговомъ окопѣ.

Прапорщикъ выбѣжалъ изъ строя еще до зари. Не было больше и штыкопредъявляющихъ. Быстро и просто нашли его то, къ чему онъ тянулся безпокойной и чистой душой.

Не хватало и многихъ товарищей по разному дѣлу,— перешли они сейчасъ грань съ винтовкой въ рукѣ и обрѣли себѣ вѣчную память въ сердцахъ тѣхъ изъ насъ, кому суждено возвратиться.

Аславъ-Бекъ похудѣлъ въ эту ночь, пообтрепался, и острѣе глядѣлъ сквозь его крутой эгоизмъ внезъ съ побѣлѣвшей горбинкой.

Что-то еще нашептывало внизу въ окопѣ, хлебетѣ съ нарывомъ дыханія и ѣдкимъ дымкомъ окончившихся разрывовъ.

Стало трудно слышать что-нибудь, и въ будущемъ, насыщенномъ тревогой и грохотомъ воздухѣ облачка безконечныхъ шрапнелей разворачивались пухлой ватой — глухо и никло. Больше двухъ не хотѣла имѣлась атмосфера, и вдыхались въ нее только пятна огней и брызги земли, сквозь которые рвались куда-то наши обожженныя души.

Скоро раздались жолна стѣна на отдѣльныя звенья: ощущеніе связи пропало, и каждый сталъ за свой страхъ, зная только себя и винтовку.

Рядомъ со мной вулканитъ подпрыгнулъ лягушкой, подхваченный силой разрыва, и гдѣ-то упалъ за спиною.

Два солдата остались лежать.

Я сжималъ рукоятку револьвера и, не зная зачѣмъ, бѣгалъ отъ окопа къ окопу. Помню, какъ кончилъ, когда перестали рваться снаряды. Словно кто-то отвелъ ихъ струю и напрямикъ со мною надъ.

Зловѣщій моментъ—жуткій и радостный.

Вперегъ... Канешинъ... Аславъ-Бекъ...

Сжалъ окопъ, напизанный пулями... Качнья чьихъ-то винтовокъ на бруствернѣ... Нѣмой гулъ... Такіе знакомый и близкій... Снова связь... Чувство связи, бурное, злое.

А люди—дружески спятъ, и опять скользятъ стѣнки окопа сквозь во какъ будто чужого. Словно не мы въ немъ стояли минуту тому назадъ, а кто-то еще.

И неожиданно задалось, почему это не всѣ выходили, а спятъ и всякъ, какъ попало, будто бы имъ все равно, что случилось.

Желтые зубы отчуда-то скрывшагося Аславъ-Бека...

— Отъ! Безъ папахи... Поть папкой достигнетъ животное. Зачѣмъ? Для чего?

А потомъ, какъ-то сразу свалился крутомъ, и сквозь рѣдкую, дробную трескотню входитъ въ сознаніе:

„Слава Богу! Отбили!"

XI.

И еще былъ моментъ. Не такой, какъ другіе.

Холодный и зеленый.

Было жутко и тихо.

Ждали безъ выстрѣла.

Впереди неясныя и какъ двигались сѣрыя груди людей.

Шли тихо, безъ крика. Въ послѣдней рѣшимости.

Мы знали, ждали ихъ такихъ и ждали сигнала.

И вдругъ среди тишины чьей-то чужимъ и непрошенымъ протрещалъ звонокъ телефона.

Кто-то невѣроятно. Можетъ-быть, мнѣ одному. Можетъ-быть, и еще кому-нибудь.

Капитанъ наклонился и сталъ слушать.

— Держаться во что бы то ни стало!.. сказалъ онъ самъ себѣ спокойно. — Понятно. Есть! Сейчасъ пришлютъ артиллерію. Еще три держаться... два-три часа, а тамъ будетъ поздно!

Два-три часа...

Впереди надвигалась сѣрая груда.

Господи! Помоги намъ!

Я осмотрѣлъ пустой револьверъ и сунулъ его въ кобуру.

Кое-кто изъ людей оглядывалъ винтовочное оружіе.

И вотъ около меня сбѣжалась кучка людей и что-то невнятно залопотала.

Говорили по-своему, и понять нельзя.

Я подошелъ къ Аславъ-Беку и хладнокровно освѣдомился о чемъ дѣло.

Онъ оглушилъ глазами и что-то сказалъ.

— Громче! Не слышу!

Аславъ-Бекъ наклонился ко мнѣ и отчаянно, напоминаемыми шепотомъ завизжалъ:

— Капитанъ отказалъ дырявый ногу!

Жутимъ холодомъ тронуло ниже.

Я пробѣжалъ ложку создать и оглянулся.

Капитанъ Залостучинъ сидѣлъ на землѣ и застывшими, не слушавшимися пальцами отстегивалъ ремни деревянной ноги.

Окончивъ, онъ нелостяхъ со ня сторону, подвалъ, трахнулъ пустой штаниной, и возвратился на создать.

Къ нему бросили назадъ за нимъ и отперлулись.

Когда я шагалъ черезъ трупы убитыхъ обратно на фланга, я видѣлъ, какъ отъ создата къ создату перезвалось:

— Капитанъ отказалъ дырявый нога!

Что было потомъ, я не помню.

Да если бы и помнилъ, едва ли смогъ передать.

Очнулся я уже на той сторонѣ рѣки въ лотуткѣ отряда.

Тамъ я узналъ, что мы продержались четыре часа.

Такъ же мнѣ сообщили, что отъ роты осталось сорокъ три человѣка.

Капитана нашли безъ ноги впереди занимаемаго имъ окопа. Онъ былъ безъ чувствъ, съ трехи штыковыми ранами, но живой.

Сорокъ три оставшихся живы, и нѣкоторые, дождавшись, возможность перейти за рѣку, подобрали своихъ раненыхъ.

Аславъ-Бекъ уцѣлѣлъ.

Уцѣлѣлъ и Неспящій, потерявшій два пальца и глазъ.

У него изъ бедра извлекли пулю и перевязали лицо, разбитое въ кровь при паденіи.

Задача была исполнена, и переправа прошла съ полнымъ успѣхомъ.

Остальное не важно.

XI.

Два дня тому назадъ, я встрѣтилъ на Невскомъ офицера.

Онъ шелъ бодро, выпятивъ впередъ грудь, украшенную бѣлымъ крестомъ.

Все, что осталось отъ станціонной постройки на станціи С.

Капитанъ П. Ф. Алексѣевъ. Подъесаулъ А. Н. Васюковъ. Поручикъ А. А. Жебровскій. Корнетъ Б. А. Малозоровъ. Подпоручикъ А. Т. Каминскій.

Хорунжій Г. А. Голубинскій. Хорунжій Н. Г. Вдовенко. Хорунжій К. Д. Ратушный. Подпоручикъ С. С. Вершининъ. Подпоручикъ И. И. Рюминъ.

Подпоручикъ А. П. Нестеровъ. Прапорщикъ П. П. Нестеровъ. Прапорщикъ А. И. Мочаловъ. Прапорщикъ В. И. Мочаловъ. Прапорщикъ И. А. Вяжловъ.

Прапорщикъ Д. В. Оссифовъ. Прапорщикъ Н. И. Сорбовъ. Прапорщикъ М. В. Казанскій. Прапорщикъ В. Д. Аксютинъ. Прапорщикъ Б. П. Дьяченко.

Прапорщикъ С. Ф. Калиничукъ. Прапорщикъ А. А. Попъ. Прапорщикъ Е. П. Семеновъ. Прапорщикъ А. С. Гаусманъ. Прапорщикъ В. Н. Кокоз.

Захваченные французами въ Шампани нѣмецкіе снаряды, начиненные удушливыми газами.

На всѣ мои увѣренія нѣмецъ постарше качалъ головой и повторялъ насмѣшливо:

— Такъ, такъ... Ты не шпіонъ, ты простой крестьянинъ и хранишь за покупками. Но гдѣ же твой кошелекъ?

Второй нѣмецъ сказалъ съ досадой:

— Но что его слушать, Гансъ? Конечно, русскій шпіонъ. Отведемъ его къ офицеру.

Меня отвели къ офицеру; у офицера была предурацкая рожа, но онъ мое всегдашнее онъ оказался совсѣмъ не такимъ дуракомъ, какимъ казался. Выслушалъ донесеніе о томъ, что поймали русскій шпіонъ, который ходилъ и высматривалъ нѣмецкихъ солдатъ на базарѣ, а утверждаетъ онъ о томъ, что онъ пришелъ на базаръ за покупками, спровергается отсутствіемъ кошелька и деньгъ. офицеръ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, лѣниво затянулся горькимъ дымомъ сигары и сказалъ лѣниво:

— Не лги! Я тебѣ навязнозь вижу. Ты же шпіонъ.

Я молчалъ.

— Ну, признавайся! Ты же сознанъ или офицеръ. Русскій шпіонъ.

— Я не сознанъ и не офицеръ. Я русскій пропыленникъ.

— Да? Русскій крестьянинъ?

Офицеръ прищурился съ улыбкой, которой позавидовалъ бы самъ дьяволъ.

— Ну, скажи же мнѣ, русскій крестьянинъ, зачѣмъ на тебѣ сапоги военнаго образца?

Солдаты, привезшіе меня, радостно, хотя и почтительно, захохотали; ихъ умилила находчивость офицера; а я... я былъ поражёнъ. Какъ я могъ показаться такъ непозволительно глупо? Я перемѣнился въ крестьянское платье, но... сапоги на мнѣ были дѣйствительно военнаго образца. Я не сознался этого важнаго, что не приходило въ голову, чтобы на это могли обратить вниманіе, не офицеръ съ глупымъ лицомъ былъ дѣйствительно смѣтливъ, и, благодаря его смѣтливости, меня, какъ чижа, захлопнула западня.

Я началъ объяснять, что сапоги на мнѣ, можетъ-быть, и военнаго образца, потому что я купилъ ихъ у солдата, но самъ я все же простой крестьянинъ, а не солдатъ. Къ сожалѣнію, я былъ настолько смущенъ, что голосъ мой не звучалъ убѣдительно, и боюсь, что на этотъ нѣмецкаго офицера я тоже не повѣрилъ. Бы такихъ увѣреніяхъ я сознавался. Но всякомъ случаѣ, онъ не повѣрилъ. Казъ это ни грустно, онъ велѣлъ меня высѣчь: въ словахъ его не было ни капли преувеличенія.

Когда я велѣлъ ему, что сдѣлалось довольно быстро, онъ лѣниво сказалъ солдатамъ:

— Повѣсить его! Это русскій шпіонъ.

Слушаюсь, господинъ офицеръ! отвѣчалъ. Когда прикажете повѣсить?

— Сейчасъ.

Отзывались, сухорукіе; но отвѣтилъ онъ: послѣ обѣда, - когда мы уже поѣдемъ.

Не знаю, сказалъ ли нѣмецкому офицеру, жалъ солдатъ, которые должны были наконецъ на дождь во время моего повѣшенія, или онъ самъ захотѣлъ насладиться этимъ зрѣлищемъ на утро, но только онъ неожиданно произнесъ сквозь зубы, - когда меня уже повели:

— Заприте его въ сарай до утра. А завтра утромъ накомнемъ хиб: я разберусь.

Итакъ, жизнь моя отсрочилась на полсутокъ: хиб очень крѣпко связанъ веревками. руки, вполнуки меня въ какой-то темный сарай, а сарай запертъ. Большимъ висячимъ замкомъ, который сломать было невозможно, а который, когда въ немъ вспрыгивали плечомъ, загудѣлъ такъ, какъ можетъ гудѣть только полновѣсный желѣзокъ.

Бы спросите у меня, не знаю ли я въ отчаяніе.

Конечно же, нѣтъ, хотя положеніе было трудное. Мнѣ кажется, я надѣялся бы спастись даже тогда, когда меня повели бы вѣшать. До перваго дерева отъ сарая было не мало шаговъ. А тутъ впереди еще цѣлыхъ двѣнадцать часовъ, еще цѣлыхъ полсутокъ! Кажется, китайская пословица говоритъ, что отъ куба до чашки—сосѣдъ не близко, чуть не цѣлая вѣчность. Мнѣ чудилось, что я отъ сарая не висѣлицы довольно далеко.

Бывали случаи, что при наступленіи русскія войска врывались въ село или мѣстечко и спасали плѣнныхъ. Не я знать, что въ это я не могу разсчитывать: наступленія не предвидѣлись; я могъ разсчитывать только на самого себя.

Крупный дождь барабанилъ по крышѣ, а я сидѣлъ на землѣ сарая и придумывалъ средство спастись.

Но въ голову рѣшительно не шло ничего подходящаго; и былъ

Различные типы французскихъ воздушныхъ бомбъ.

сказалъ, брошенъ, какъ жалкая мышь, въ сарай и запертъ такимъ замкомъ, сломать который у меня не имѣлось ни малѣйшей надежды.

Битхъ и рѣшалъ, что во всемъ должно быть порядокъ, и что, если и не освобожу себѣ руки, я не освобожусь и спасъ. Раньше моего встанетъ вопросъ о веревкахъ. Если бы я былъ какой-нибудь мышью, я освободился бы отъ нихъ въ какой-нибудь часъ. Но я былъ нѣмцемъ творенья, человѣкомъ, и это уже было гораздо труднѣе. Все же, когда я началъ думать не о собственномъ освобожденіи, а только объ освобожденіи отъ веревокъ, это было легче, и черезъ четверть часа въ мозгу моемъ мелькнула счастливая мысль.

III.

Въ какомъ сараѣ не встрѣчается обитыхъ въ стѣну гвоздей? Можно ли представить себѣ сарай безъ гвоздей? Богъ ихъ знаетъ почему: не въ каждомъ сараѣ есть гвозди, нѣтъ не до конца нѣмцевъ. Если я найду гвоздь, который мнѣ нуженъ, я освобожусь отъ веревокъ очень быстро.

Я всталъ съ земли и началъ бродить вокругъ стѣнокъ сарая, ища гвоздей. Тогда были; но не было такого, какой могъ помочь мнѣ: четырехгранный, хоть съ одной острой гранью, о которую перетереть веревки было бы легко. Попадались только круглые безполезные для меня гвозди, но такъ какъ судьба, очевидно, не хотѣла, чтобы я попалъ въ петлю, нашелся въ концѣ концовъ и гранёный гвоздь. Черезъ часъ я уже натиралъ запястья отъ веревокъ руки, и первый этапъ моего спасенія былъ мною пройденъ.

Руки мои были свободны; оставалось освободиться самому; труднѣе всего, конечно, изъ сарая.

Кѣ-то говорилъ вокругъ крышей сарая мягкимъ окно, изъ котораго на меня, когда я подходилъ къ нему, падали какіе лоскуты; но добраться ко окна я не могъ; для этого нужно было быть прирожденнымъ гимнастомъ. Я обошелъ и ощупалъ разъ пять весь сарай. Быть-можетъ, вы думаете, что въ сараѣ валялась лѣстница? Нѣтъ, къ сожалѣнію, кромѣ соломы да какихъ-то небольшихъ досокъ, въ сараѣ не было ничего. Въ сараѣ не было самой перепелиной лѣстницы. И опять я подумалъ, что, если бы я былъ мышью, я освободился бы изъ этого сарая въ какой-нибудь часъ.

Луна эта опять навела меня на хорошую мысль.

Если нельзя было найти изъ сарая ни черезъ окно, ни черезъ крышу, ни черезъ стѣны, отчего же было не попытаться выйти подъ одною изъ стѣнъ, какъ взошла бы мышь?

Я раскачалъ одинъ изъ большихъ гвоздей, торчавшихъ въ стѣнахъ, вынулъ его и началъ имъ подрывать землю возлѣ задней стѣны, тамъ, гдѣ земля казалась мнѣ рыхлой. Руками я выгребалъ землю изъ ямы; часа черезъ два непрерывной безцѣльной работы я увидѣлъ, что цѣлая дой свободна: нижнія доски были сломаны, и что свобода моя близка. Китаецъ я работалъ почти безшумно, но, если бы отъ моей работы и шелъ легкій

Кавказскій фронтъ. Въ ночную разѣдку.

Кавказскій фронтъ. Городъ Ольты. Большая часть зданій города, особенно казенныхъ, разрушена турками во время ихъ недолгаго владѣнія городомъ.

шумъ, его заглушилъ бы грохотъ, крушащій гдѣ-то въ сосѣднихъ кустахъ пронзительно и дико. Кто его слышалъ, тотъ не забудетъ этого отвратительнаго крика. Но моей онъ казался самой нѣжной музыкой.

Еще черезъ часъ, въ глухую, темную полночь, я вылѣзъ, какъ кротъ, изъ черной норы.

Освободившись изъ стѣнъ сарая, нужно было уходить со двора. Заборы были высокіе. Очевидно „хозяинъ", владѣлецъ двора и хлѣбовъ, былъ хозяйственнымъ человѣкомъ.

Приходилось идти черезъ калитку. Часовой на мое счастіе спалъ. Я былъ въ такой большой и важной птицей, чтобы изъ-за меня было нужно безпокоиться всю ночь. Я задушилъ часового, взялъ его ремень, ножъ и сухарную сумку, перекинулъ ихъ черезъ плечо и тихонько выскользнулъ изъ калитки на улицу.

Я былъ свободенъ. И вдругъ... почти никого не осталось отъ моей свободы, и я чуть было снова не попалъ въ нѣмецкій капканъ.

Изъ двухъ хижинокъ нѣмцевъ, которые торчали въ Польшу, на конецъ куда волкъ какой-то затявкалъ изъ мрака выпрыгнулъ тотъ единственный нѣмецъ, котораго я менѣе всего желалъ видѣть: совершенно неожиданно онъ осѣдлалъ фыркнувъ нѣмецкій солдатъ именно тотъ, который былъ порасторопнѣе и постарше и который на базарѣ попребовалъ мой велосипедъ.

— А-а... Старый знакомый!—сказалъ нѣмецъ съ улыбкой, въ кото-

руку онъ вложилъ столько жизненности, сколько могъ. Русскій инвалидъ Изобъ.

Я стрѣлокъ просвѣтилъ кинокинематографъ, выстрѣлилъ, но попалъ только чтобы напугать, и онъ промахнулся. Все же выстрѣлъ поднялъ тревогу, всѣхъ моихъ потревожилъ рокотъ выстрѣловъ, и, пробѣжавъ по дорогѣ шаговъ двѣсти или триста, я услышалъ, что кто-то на лошади догоняетъ меня. Я, конечно, могъ бы свернуть въ поле, спрятаться въ придорожную канаву, но при всемъ этомъ оставалось все-таки риска быть открытымъ, потому что городъ зналъ, что я обѣжалъ и стали бы, какъ зайца, выслѣживать меня. И утромъ, пожалуй, поймали бы. А такъ какъ мнѣ нельзя изъ этого печенѣ, сочего же было не испытать судьбу еще разъ? У меня и у того, кто за мной скакалъ, шансы были равны.

И замедлилъ бѣгъ и, когда лошадь была уже близко, обернулся и бросился къ всаднику. Всадникъ выстрѣлилъ въ меня, и — въ цѣль. Мнѣ повезло: онъ не попалъ, а я ранилъ и сбилъ его съ лошади.

Прошло два-три мгновенія, и я мчался на лошади, на быстрой, высокопородной англійской верховой лошади, а всѣ мои силы, горѣвшія не могли бы догнать меня...

Ну, что же, вы думаете, что меня смутили мои приключенія, и что теперь я задумы шаюсь, куда мнѣ разойтись? Ничуть. Приключеній было не мало — и удачныхъ, и неудачныхъ, но смутить ли охотника на медвѣдей какая-нибудь? Развѣ не стоитъ ли охотникъ на медвѣдей, который разъ постигнетъ его? А вѣдь медвѣдь — самый безобидный звѣрь по сравненію съ тѣмъ звѣремъ, который зовется человѣкомъ! Развѣ человѣкъ можетъ интересовать столько подлостей, жестокостей, злобы, сколько ихъ таитъ звѣрь? И потому, когда нужно итти на разсѣчку и вызывать желающихъ, я всегда вызываю первый.

Мнѣ сладко, чтобъ только могу, какъ можно больше потомъ этому звѣрю за все то зло, которое онъ сдѣлалъ людямъ...

Г. К. Савицкій. М. Я. Кацъ. А. П. Мочаловъ.

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ, получившіе званіе художника и командировку за границу.

Сѣтуй Самсонъ. Скульптура М. Я. Кацъ.
(Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ.

(Съ 3 портретами и 3 снимками на стр. 102 и 103).

На послѣдней Конкурсной выставкѣ въ Академіи Художествъ были увѣнчаны за классъ живописи и скульптуры три молодыхъ художника, уже своимъ яркимъ знаніемъ художника особаго отличія — командировки за границу на четыре года. Лауреаты эти: М. Я. Кацъ, А. П. Мочаловъ и Г. К. Савицкій.

М. Я. Кацъ родился въ 1887 году въ семьѣ Вологодскаго, Вологодской губерніи. Въ 1906 году поступилъ въ Казанскую художественную школу, учился подъ руководствомъ скульптора Домбровскаго и окончилъ курсъ по гравюрѣ и скульптурѣ. Въ 1909 году онъ былъ рекомендованъ скульпторомъ Трубецкимъ въ Академію Художествъ. Поступилъ въ классъ профессора В. А. Беклемишева. М. Я. Кацъ нынѣ окончилъ курсъ Академіи. Выставилъ скульптуру „Сѣтуй Самсонъ".

А. П. Мочаловъ родился въ 1886 году. Среднее образованіе получилъ въ г. Пензѣ; въ 1906 году поступилъ въ Академію Художествъ, курсъ которой окончилъ по классу Л. В. Кардовскаго. Получилъ заграничную командировку за картину „Рыболовы". Кромѣ этой картины на Конкурсной выставкѣ обращали вниманіе его превосходные рисунки сангиной и картина „Въ коровникѣ",—по живописи тонкая, лучшая изъ всего выставленнаго художникомъ. Картина „Въ коровникѣ" пріобрѣтена „Обществомъ имени А. И. Куинджи" для музея Общества.

Г. К. Савицкій родился въ Петроградѣ въ 1887 году. Въ 1906 году окончилъ Полевскую художественную школу, откуда и былъ рекомендованъ въ Академію Художествъ. Изъ общихъ классовъ перешелъ въ мастерскую профессора В. Е. Маковскаго, подъ руководствомъ котораго и окончилъ курсъ Академіи. Увѣнчанъ отличіемъ за картину „Смерть Праама".

Г. К. Савицкій—сынъ извѣстнаго живописца, передвижника К. А. Савицкаго, прославившагося въ семидесятыхъ годахъ такими картинами, какъ „Ремонтъ желѣзной дороги", „Встрѣча иконы", „Панихида на кладбищѣ" (Третьяковская галерея въ Москвѣ), „Путешественники въ Оверни". „Отправка новобранцевъ на войну" (Музей Императора Александра III).

Смерть Праама (Послѣдній день Troи).
Картина Г. К. Савицкаго. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Рыболовы. Картина А. П. Мочалова. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

* * *

Разсѣкаютъ синими околицы,—
Снова недругъ открылъ пальбу...
Кто-то ближе, безвѣстный, покличетъ
За меня, за мою судьбу!..

Не горжусь и спокоенъ, какъ инокъ,
И жаловать правдой не жду!
Не большихъ дѣлъ, а убѣжденій
Возвеличатъ мою звѣзду.

Темный вечеръ проходитъ въ уныніи,
Но пропрубитъ сигнальный рогъ,—
Буду въ сѣрой стремительной линіи
Обыкновенъ, какъ всѣ, и строгъ.

Стойко встрѣчу врага у околицы,
Все земное вложу въ борьбу...
Кто-нибудь, незнайомый, помолится
За меня, за мою судьбу.

Я. Тисленко.

Взятіе съ трофеями. Эпизодъ изъ нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

* * *

Нынѣ всякаго прижорней
Въ сквозникѣ-Дмухановскомъ шикъ.
И пылаетъ костеръ дворный
Безтолковой жести пищи.

Тамъ, гдѣ гробовой покой обуялъ,
Пули свистъ, пронзивши вой,
Миліоны русскихъ грудей
Предъ врагомъ стоятъ стѣной.

Врагъ силенъ, сомнѣться нѣтъ,
Но сломить онъ насъ не смогъ.
Боже Матерь нашъ оплотъ,
И защита наша—Богъ!

Цѣпи, сестры! Тамъ, въ окопахъ,
Непогода, холодъ, грязь,
Пусть сотрётъ кровь и худу
Нежданная-негаданная бѣда!

Хоть сплошь отъ клещей
Неприкасаемъ рукъ стражбою,
Не чего душѣ пискнуть,—
Отдадимъ какой-то, что могли!

Въ этой грудъ обыкновенной
Вами спитого бѣдня
Теплится и ласки вѣдомой
Непочатые края!

Въ ней горячія молитвы
За защитниковъ-солдатъ...
Въ страшный часъ кровавой битвы
Ихъ отъ охранятъ!

П. Бенардъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркусъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркусъ, Невскій, противъ, № 28 Издательство Т-ва А. Ф. Маркусъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Культъ тевтонской орды XX вѣка. Рисунокъ М. Кедровцева.

ОФ 47242 ИТЗ